

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ КОМИТЕТ НАКАНУНЕ И В ХОДЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА

Проблема соотношения элементов организованности и стихийности в событиях февраля 1917 г. в Петрограде, несмотря на всю ее значимость, еще далека от разрешения¹. Подавляющее большинство отечественных и зарубежных историков разделяли и разделяют представление о том, что российская монархия пала в результате стихийного выступления масс. В 1920–1930-е гг. дискуссия о происхождении Февральской революции отражала внутрипартийную борьбу в ВКП(б), причем с начала 1930-х до конца 1950-х гг. руководителями и организаторами свержения самодержавия считались исключительно большевики. Более того, утверждалось, что к началу 1917 г. в России «созрели» «два заговора» («заговор самодержавия» и «заговор дворянско-буржуазных верхов») «с целью предупредить революцию». Их участники якобы «спешили выполнить свои планы без помощи масс», но «рабочие и крестьяне, ненавидевшие и буржуазию, и царизм», будто бы их «опередили»². Впоследствии, благодаря усилиям Э.Н. Бурджалова, концепция «руководящей и направляющей роли» большевиков была пересмотрена, и вновь возобладало мнение о стихийности беспорядков, возникших в феврале 1917 г. в столице Российской империи. Однако тот же Бурджалов отмечал, что к организации забастовок и демонстраций в Петрограде были причастны, помимо большевиков, и другие социалисты-интернационалисты – меньшевики (не оборонцы), «межрайонцы» и левые эсеры³. «Традиционная либеральная историография Запада», по словам Ц. Хасегавы, также «оценивает Февральскую революцию как “неуправляемую, стихийную, анонимную”»⁴. Впрочем, сам Хасегава, вслед за Бурджаловым, признал, что уличные выступления питерского пролетариата, будучи стихийными, в известной степени координировались упомянутыми социалистическими партиями⁵.

Между тем П.Н. Милюков еще в 1918 г. утверждал: «Из объективных фактов с бесспорностью вытекает, что подготовка к революционной вспышке весьма деятельно велась – особенно с начала 1917 г., – в рабочей среде и в казармах Петроградского гарнизона». При этом «закулисная работа по подготовке революции так и осталась за кулисами»⁶. Чаще всего об организованности февральских беспорядков 1917 г. пишут те, кто видит в них результат масонского заговора⁷, а также немногочисленные зарубежные историки, объясняющие свержение самодержавия деятельностью не столько масонов, сколько финансировавшихся Германией социалистов⁸. М. Мелансон, полностью отрицая стихийность Февральской революции, полагает, что ею руководили эсеры (прежде всего – левые) и «межрайонцы»⁹. А.Б. Николаев находит ее организаторов и руководителей в IV Государственной думе¹⁰.

Созданный в июне 1915 г. в Петрограде (Литейный, 46 – в здании, где находился Совет съездов представителей промышленности и торговли) Центральный военно-промышленный комитет (ЦВПК), а также местные военно-промышленные комитеты историки традиционно рассматривают как органы мобилизации промышленности военного времени, недооценивая их политическое значение¹¹. Только Л. Хэймсон указал на радикализм лидеров ЦВПК, которые к началу 1917 г. пришли к выводу о необходимости «безотлагательного принятия революционной тактики»¹². Однако последствия данного решения Хэймсон не рассматривал. Подробнее политическая деятельность ЦВПК была освещена О.Р. Айрапетовым, отметившим, что зимой 1916/17 гг. «оп-

* Куликов Сергей Викторович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН.

позиция готовилась скорее к перевороту, чем к революции», и стремилась «придать политическим изменениям максимально верхушечный характер»¹³. По мнению Николаева, 27 февраля 1917 г. ЦВПК «играл роль вспомогательной структуры, которая обслуживала интересы центра революции и штаба восстания, действовавших в Государственной думе»¹⁴. Тем не менее есть основания полагать, что саму Думу, в качестве центра революции, породил именно ЦВПК¹⁵. Иным исследователям конспиративная деятельность ЦВПК и вовсе кажется «сказкой»¹⁶. Отчасти это объясняется тем, что материалы местных военно-промышленных комитетов и особенно ЦВПК сохранились относительно плохо¹⁷.

Внимательнее присмотреться к ЦВПК заставляет уже его личный состав. Председателем Бюро ЦВПК в июле 1915 г. стал А.И. Гучков, его заместителем являлся А.И. Коновалов, а товарищами – А.А. Бубликов, М.И. Терещенко и М.М. Федоров. В ЦВПК входили также И.В. Годнев, М.А. Карапулов, Н.Н. Кутлер, В.П. Литвинов-Фалинский, кн. Г.Е. Львов, Н.В. Некрасов, П.И. Пальчинский, П.П. Рябушинский, Н.В. Савич, М.В. Челноков, А.И. Шингарев и др.¹⁸ Таким образом, в ЦВПК состояли не только предприниматели, но и руководители оппозиционных организаций – Прогрессивного блока Государственной думы и Земского и Городского союзов. Хотя в финансовом отношении военно-промышленные комитеты всецело зависели от правительства, в 1915–1917 гг. выделившего им 170 млн руб.¹⁹, большинство лидеров ЦВПК не скрывали полного неприятия старого порядка. Как свидетельствовал меньшевик Б.О. Богданов, в ЦВПК были представлены «группы буржуазии, настроенные враждебно к царскому режиму»²⁰.

По словам Гучкова, возглавляемый им ЦВПК готовил «государственный переворот»²¹ в форме «национальной революции» (как выразился его единомышленник прогрессист А.Н. Брянчанинов)²², которая воспринималась как условие победы России над Германией. Гучков признавался, что «стал революционером в 1915 г.», прия «к твердому убеждению»: «самодержавие грозит поражением» и «спаси страну... можно, только покончив со старым режимом»²³. В начале апреля 1917 г. Гучков заявил итальянскому посланнику в Румынии барону К. Фашотти, что «совместно с четырьмя другими политическими деятелями он уже в течение полутора года старался добиться отречения царя в пользу царевича с регентством великого князя Михаила и парламентарным строем»²⁴. Действительно, в октябре 1915 г. на заседании Бюро Прогрессивного блока Гучков говорил: «Я выставил бы боевой лозунг и шел бы на прямой конфликт с властью»²⁵. А.Ф. Керенский подтверждал, что Гучков «стал революционером» именно в октябре 1915 г.²⁶ Не было это секретом и для Департамента полиции. «Съездив в Китай, Турцию и Португалию и изучив на месте способы и приемы переворотов в разных странах, а также бывшие у нас бунты во Владивостоке, Севастополе и Кронштадте и дождавшись такого благоприятного времени, как война 1914 г., Гучков начал действовать», – указывалось в обобщающем докладе за 1915 г.²⁷

Впрочем, еще при жизни П.А. Столыпина Гучков, по собственному признанию, «изверился в возможности мирной эволюции»²⁸. В январе 1911 г. либерально настроенный генерал Е.И. Мартынов лично слышал от лидера Союза 17 октября слова о «необходимости дворцовового переворота»²⁹. Летом 1911 г. граф С.Ю. Витте узнал, что, веря в наступление «новой революции», Гучков прилагает усилия, дабы «войско было на нашей стороне»³⁰. Будучи личным врагом Николая II, Гучков прямо говорил в 1915 г.: «Если я не умру раньше, я сам арестую царя»³¹. Более того, однажды он высказался: «Черт с ней, с победой, лишь бы скинуть царя!»³². 20 ноября 1915 г. ближайший соратник Гучкова, Коновалов, проводя у себя дома совещание общественных деятелей, поддержал предложение Керенского «продемонстрировать народное недовольство против действий правительства какими-либо забастовками или иными демонстративными экспрессиями». При этом Коновалов заявил, что «народную массу пора поднимать», дабы «обуздить наглую власть»³³.

Инструментом мобилизации пролетариата и стали образованные по инициативе Гучкова при ЦВПК и других военно-промышленных комитетах рабочие группы³⁴.

С их помощью руководители ЦВПК «мечтали создать “пролетарскую армию” под своей командой, чтобы ее усилиями заставить правительство пойти на уступки Думе»³⁵. Бывший член ЦВПК и последний царский министр внутренних дел А.Д. Протопопов подчеркивал: Всероссийский рабочий союз «создавался руками деятелей не революции, а оппозиции, не на собранные среди рабочих гроши, а на правительственные миллионы, получил законодательную санкцию и существовал легально»³⁶. Действительно, как военно-промышленные комитеты, так и их рабочие группы были организованы на основании особого Положения, 4 августа 1915 г. одобренного Советом министров и 27 августа – утвержденного царем³⁷.

Историки изучали рабочие группы изолированно от военно-промышленных комитетов, отрицая, вслед за В.И. Ульяновым (Лениным), революционность и тех, и других. Однако секретарь Общего собрания ЦВПК и бывший народоволец М.В. Новорусский объяснял введение представителей рабочих в «организацию, враждебную им по классовым интересам», осознанием лидерами буржуазии «необходимости объединения всех общественных элементов на борьбу одновременно на два фронта: с врагом внешним и врагом внутренним, т.е. со старым режимом». Более того, руководители ЦВПК, «в большинстве представители капиталистических групп, легально и гласно допустили в свою среду инородную группу» именно для «подготовки революции», а потому Департамент полиции «не без основания» полагал, что ЦВПК «подрывает основы и корни»³⁸. «Возникновение тайных организаций с целями переворота, – рассказывал зимой 1924/25 гг. Керенский Б.И. Николаевскому, – относится к зиме 1915–1916 гг.». Керенский выделял две «основных группировки»: «вокруг военно-промышленных комитетов и вокруг Земгора». Во главе первой стояли Гучков, Коновалов, Терещенко, во главе второй – руководители союзов кн. Г.Е. Львов и М.В. Челноков³⁹. О существовании «революционного центра с главарями ЦВПК, Союза земств и городов и Прогрессивного блока» писал и начальник Петроградского охранного отделения генерал К.И. Глобачев, утверждавший, что ЦВПК «был организацией политической и служил исключительно целям подготовки революции»⁴⁰.

Вообще, оценки ЦВПК и его Рабочей группы полицейскими чинами и революционерами нередко практически совпадали. Начальник Дворцовой охраны генерал А.И. Спиридович констатировал, что в ЦВПК «готовилась революция», причем ее «готовила рабочая фракция комитета»⁴¹. Генерал П.Г. Курлов, осенью 1916 г. в течение месяца исполнявший обязанности товарища министра внутренних дел, считал «уничижение существовавшей власти» главной целью ЦВПК, который «выился в чисто революционную организацию в лице его Рабочей группы»⁴². По словам директора Департамента полиции А.Т. Васильева, Гучков «организовал боевую революционную группу, призванную стать средством реализации его предательских замыслов»⁴³.

29 ноября 1915 г., открывая собрание выборщиков Рабочей группы ЦВПК, Гучков сказал: «Мы все должны победить врага и вместе с тем стремиться к самому лучшему устройству внутренней жизни России». Эти слова звучали более чем двусмысленно, особенно учитывая, что председатель собрания меньшевик К.А. Гвоздев тут же выступил за организацию «общественных сил России для борьбы с нападающей Германией и для борьбы с нашим страшным внутренним врагом – самодержавным строем». Гвоздев не сомневался, что Россия находится «накануне буржуазной революции», после которой «власть должна перейти из рук правительства в руки буржуазии». «Уже созрели, – заключил он, – все предпосылки для перемены существующего политического строя»⁴⁴. Впоследствии Гвоздев неоднократно заявлял, что «царское правительство надо сбросить, так как с ним все равно победить нельзя»⁴⁵.

В Рабочую группу ЦВПК вошли 10 человек, председателем ее стал Гвоздев. Одновременно были избраны примыкающие к Рабочей группе ЦВПК 6 членов Рабочей группы Петроградского областного военно-промышленного комитета, который объединял 241 завод. Большинство из этих 16-ти человек являлись меньшевиками-оборонцами, остальные – эсерами. В выборах обеих групп участвовало 101 предприятие столицы (219 тыс. рабочих)⁴⁶.

Первая же резолюция Рабочей группы ЦВПК, принятая 29 ноября 1915 г., имела, по свидетельству ее секретаря Богданова, «антициаристскую направленность»⁴⁷, поскольку говорила о «коренной ломке режима» и объявляла очередной задачей пролетариата «борьбу за созыв Учредительного собрания», которое должно было «вырвать власть из рук ее нынешних носителей»⁴⁸. Заседание группы проходило под защитой Гучкова: ожидая вмешательства полиции, он лично «охранял» членов группы и всячески подчеркивал «полную самостоятельность и независимость рабочего представительства»⁴⁹. После того, как Гвоздев огласил резолюцию, Гучков заметил Коновалову: «Какие молодцы наши рабочие»⁵⁰. Не удивительно, что на состоявшемся 3 декабря 1915 г. Общем собрании ЦВПК революционная резолюция Рабочей группы не вызвала никаких возражений со стороны его руководителей⁵¹. Впоследствии Гвоздев был «частым гостем» Гучкова⁵², который относился к нему «с большими симпатиями и доверием»⁵³. Коновалов же получил известность как «душа военно-промышленных социалистов»⁵⁴. Гучков и Коновалов «покровительствовали» Гвоздеву и «содействовали деятельности рабочих групп»⁵⁵.

В 1915–1917 гг. Рабочая группа ЦВПК фактически становится единственным легальным центром рабочего движения не только Петрограда, но и всей России⁵⁶. Мобилизацию пролетариата обеспечивали созданные при группе 10 постоянных комиссий⁵⁷, полностью контролировавшиеся гвоздевцами рабочие кооперативы⁵⁸, наконец, заседания группы, собиравшие в здании ЦВПК до 500 человек (среди них были деятели больничных касс и профсоюзов, меньшевики, бундовцы, эсеры и большевики, председатели фракций меньшевиков и трудовиков Думы Н.С. Чхеидзе и Керенский, а также члены кружка социал-демократа Н.Д. Соколова)⁵⁹.

Официальная деятельность группы по улучшению бытовых условий жизни рабочих скрывала неофициальную, связанную с подготовкой революции. Богданов, «хранитель всех ее документов», приносил в кабинет Новорусского «те документы, которые надо было сохранить от постороннего глаза и, в особенности, сохранить на случай обыска» (уже после падения монархии эта, наиболее интересная, часть делопроизводства группы пропала и до сих пор не найдена). Ссылаясь на проходившие через его руки материалы, Новорусский утверждал, что «подготовка революции, действительно, велась Рабочей группой»⁶⁰. Рабочие группы, вспоминал меньшевик П.А. Гарви, были «единственными связанными с рабочей массой организующими центрами надвигающейся революции»⁶¹. «В глазах правительства эти организации Военно-промышленного комитета, вполне понятно, казались крайне опасными, – заявлял в 1917 г. социалист В.Н. Пере-верзев, работавший в Московском ВПК. – Оно думало, что из этих организаций может разиться революционная зараза, которая охватит всю Россию. Нужно отдать справедливость старому правительству, что оно не ошиблось»⁶². Действительно, уже в апреле 1916 г. в МВД была составлена записка, в которой рабочие группы рассматривались как созданные для решения «задачи революционной агитации и организации рабочих масс России» и содействия «развитию в России революционного движения»⁶³. По сведениям Курлова, Рабочая группа «посвящала все время почти исключительно обсуждению планов революционных партий, направленных к свержению существовавшего государственного строя»⁶⁴. Жандармский генерал П.П. Заварзин писал, что Гвоздев и его соратники «создали на заводах революционные ячейки и постепенно приобрели значение руководителей массами» как в столице, так и в провинции, а ЦВПК стал «прикрытием подпольных организаций, члены коих, под видом осведомления масс о ходе работ, разъезжали по местам, организовывали и настраивали рабочих, связывая ячейки с подпольными центрами по восходящей линии, откуда они далее и получали указания»⁶⁵.

Васильев был убежден, что «деятельность подрывных агитаторов неразрывно связана» с Гучковым, которого он называл «авантюристом, карьеристом и предателем»⁶⁶. «Меньшевики-оборонцы, – вспоминал эсер И. Мильчик, – объективно являлись проводниками в рабочие массы лозунгов и директив левого фланга промышленной буржуазии – Коноваловых, Терещенко, Рябушинских, своих союзников по Военно-промыш-

ленному комитету»⁶⁷. 13 сентября 1916 г., во время происходившей в Москве беседы с общественными деятелями, Коновалов, «на основании сведений, якобы имеющихся в ЦВПК», предсказывал «неизбежность революционного движения». «Спасение» виделось ему «в организации себя, с одной стороны, в организации рабочих – с другой»⁶⁸. Таким образом, по словам Спиридовича, «в недрах военно-промышленных комитетов работали рука об руку на государственный переворот представители рабочих и буржуазии», причем «представители буржуазии помогали организации рабочих-революционеров»⁶⁹.

В конце сентября 1916 г., с одобрения лидеров думской оппозиции, Гучков приступил к технической подготовке государственного переворота с целью заменить Николая II цесаревичем Алексеем Николаевичем при регентстве вел. кн. Михаила Александровича. Активное содействие председателю ЦВПК оказывали Некрасов, Терещенко и поддерживавшие связь с военными кн. Д.Л. Вяземский и отставной штаб-ротмистр П.П. Коцебу⁷⁰. Появление Гучкова во главе «кушки заговорщиков», которая «готовила революцию», было вполне логично: к осени 1916 г. он, по воспоминаниям члена октяристского ЦК кн. А.В. Оболенского, стал «открытым злобным революционером», настроенным «больше всего» против Николая II⁷¹.

8 марта 1917 г. Гучков публично признал, что «основным пунктом» «практической программы», разработанной им и другими руководителями ЦВПК, являлся «вооруженный переворот»⁷². Согласно показаниям Гучкова Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, данным 2 августа 1917 г., план переворота, разработанный его группой, заключался в том, чтобы «захватить, по дороге между Ставкой и Царским Селом, императорский поезд, вынудить отречение, одновременно, при посредстве воинских частей, арестовать существующее правительство и затем уже объявить как о перевороте, так и о лицах, которые возглавят собою правительство». При этом заговорщики исходили из того, что отречение Николая II должно стать добровольным, поскольку в противном случае «можно было опасаться гражданской войны»⁷³. И хотя в августе Гучков утверждал, будто его план не получил осуществления, 23 февраля 1917 г. он сообщил родственникам Вяземского, что добиться отречения Николая II необходимо «путем отвода царского поезда по дороге из Ставки в Царское Село», причем железнодорожники этого участка «были уже предупреждены и все сочувствовали заговору»⁷⁴.

Керенский считал, что позднейший рассказ Гучкова был «явно несколько склонжен», и в своих показаниях 2 августа 1917 г. он не упомянул «о той руководящей роли, которую играл в заговоре, направленном на свержение царя»⁷⁵. Николаевскому Керенский сообщал, что заговорщикскую «группу Военно-промышленного комитета» отличала «особо энергичная деятельность зимой 1916–1917 гг.»⁷⁶. Гучков тогда «не ограничивался размышлениями о восстании, а энергично занимался его подготовкой вместе с М.И. Терещенко»⁷⁷ (с 13 октября по 20 декабря 1916 г. Александр Иванович находился на лечении в Кисловодске⁷⁸). «Революционерами, – отмечал Керенский, – стали люди, от которых никак нельзя было ожидать этого»⁷⁹. Как вспоминал Оболенский, «подготовляли революцию» прежде всего Гучков и Терещенко⁸⁰. Действительно, согласно полицейскому донесению, в середине декабря 1916 г. на заседании Бюро ЦВПК обсуждалось участие армии в перевороте, в связи с чем Терещенко заявил, что «достаточно 2–3 полка, с которыми и можно будет все выполнить»⁸¹.

По свидетельству меньшевика Н.И. Иорданского, переворот готовился «военной организацией», «связанной с заговорами кружка либеральных генералов и антидинастической группы Военно-промышленного комитета, но совершенно независимой от исторических революционных партий и их, слабых тогда, петербургских представительств». Не в этом ли причина того, что именно для профессиональных революционеров солдатский бунт 27 февраля 1917 г. оказался полной неожиданностью? «Во главе заговора, – утверждал Иорданский, – стояли представители Военно-промышленного комитета – Гучков, Коновалов и др.». Рабочая группа, «являясь для лидеров буржуазного переворота прекрасным органом информации о настроениях пролетарских масс

и местом согласования некоторых политических выступлений, к буржуазно-военной организации не имела прямого доступа», хотя и «учитывалась заговорщиками, как удобный способ обеспечить содействие заговору со стороны рабочих масс и как возможное орудие влияния на массы в направлении умеренности и аккуратности их выступлений»⁸². Поэтому осенью 1916 г. Гучков совместно с Коноваловым и Терещенко, по выражению Спиридовича, «прикрывал революционную работу рабочей группы»⁸³. На Съезде представителей областных военно-промышленных комитетов, проходившем 26–27 сентября 1916 г. в Петрограде с участием делегатов от рабочих групп, Гучков объявил о намерении «ополчиться на борьбу с правительственною властью»⁸⁴. Делегаты съезда, подчеркивал полицейский аналитик, «заметно полевели» и относительно правительства стали высказываться «более резко, чем в обычное время»⁸⁵.

«Дело по подготовке революции» Рабочая группа вела, по свидетельству Новорусского, «при участии многих заводских представителей»⁸⁶. Именно в сентябре 1916 г., вспоминал Заварзин, в Петрограде «начало проявляться влияние подпольных ячеек на заводах», которые действовали по указаниям «подпольного центра» с Гвоздевым во главе⁸⁷. В октябре–ноябре по инициативе гвоздевцев на предприятиях Петрограда проходили антиправительственные митинги и выбирались комиссии содействия Рабочей группе, которые образовывали сеть ее низовых организаций, способствуя упрочению влияния группы на массы⁸⁸. В это время, по словам Богданова, «огромное количество» листовок грузовики развозили из здания ЦВПК по фабрикам, заводам, университетам и другим учреждениям. «В такой обстановке, – заключал он, – неудивительно, что революция пеклась как на дрожжах»⁸⁹.

На проходившем в Петрограде 12–15 декабря 1916 г. под председательством Коновалова Совещании представителей областных военно-промышленных комитетов лидеры ЦВПК открыто взяли курс на революцию. По предложению Рабочей группы очередной задачей военно-промышленных комитетов была признана «не борьба с отдельными проявлениями режима, а бесповоротное устранение его и полная демократизация страны», а также создание «Временного правительства, опирающегося на организующийся, самодеятельный и свободный народ»⁹⁰. Бундовец М.Г. Рафес резонно полагал, что тем самым «было впервые формулировано требование свержения царской власти»⁹¹. В декабрьских выступлениях Рабочей группы, по словам сотрудника ЦВПК Е.И. Омельченко, «отразилась вся программа революции»⁹². Резолюция, принятая Совещанием 14 декабря 1916 г., призывала к объединению «всех живых... сил с широким участием демократии в созидательной работе» и декларировала, что только «ответственное правительство в единении с народом и с его помощью может вывести страну из тупика, в который она заведена старым режимом». Совещание призвало «Государственную думу, вместе с народом, довести до конца свою борьбу за создание ответственного правительства и за уничтожение условий, благоприятствующих пагубному вмешательству безответственных сил в дело управления страною и ее судьбами в тылу и на фронте»⁹³.

После декабрьского Совещания Рабочая группа активизировала свою деятельность по организации массового движения в Петрограде и в январе 1917 г. провела на столичных фабриках и заводах митинги и забастовки под революционными лозунгами⁹⁴, причем и в данном случае гвоздевцы действовали с полного согласия руководителей ЦВПК. Шляпников указывал, что «в первой половине января» Рабочая группа «поворнула свою политическую ладью по ветру революционной стихии» «с благословения... фабрикантов Бюро ЦВПК»⁹⁵. В начале 1917 г., докладывал директор Департамента полиции Васильев, гвоздевцы находились под влиянием Гучкова, Коновалова и Львова, верили в их «силу» и признавали, что именно они дадут «решительный сигнал к началу “второй великой и последней всероссийской революции”»⁹⁶. В январе 1917 г., писал Спиридович, Рабочей группе «покровительствовали Гучков и Коновалов», рассчитывавшие на то, что «сумеют использовать рабочий класс и при его помощи овладеть властью». «Находясь под защитой Гучкова, Коновалова и их друзей, – заключал Спиридович, – рабочая группа Военно-промышленного комитета смело проводила агитацию»⁹⁷.

К открытию 14 февраля 1917 г. сессии Государственной думы Гучков и его соратники запланировали проведение в Петрограде всеобщей забастовки и шествия рабочих к Таврическому дворцу, где заседала Дума⁹⁸. В заседании 16 января Рабочая группа решила устроить накануне 14 февраля на петроградских фабриках и заводах митинги, которые должны были поддержать резолюцию, выработанную членами группы и призывавшую «весь рабочий Петроград» пойти 14 февраля к Думе, чтобы высказаться за «решительное устранение самодержавия» и «немедленное учреждение Временного революционного правительства, опирающегося на организующийся в борьбе народ»⁹⁹.

В январе оформились и структуры, призванные обеспечить намеченное выступление. По свидетельству Богданова, для подготовки забастовки и демонстрации и руководства ими на Литейном была создана «большая группа», называвшаяся также «штаб» или «пропагандистская коллегия». В нее входили около 50 меньшевиков и беспартийных, представлявших крупнейшие предприятия столицы. На фабриках и заводах Петрограда «штаб» образовал ячейки, через которые поддерживалась связь с «центром» и осуществлялась вербовка и организация будущих демонстрантов¹⁰⁰. Готовя демонстрацию, Рабочая группа, вспоминал ее секретарь Маевский, «отнюдь не приурочивала этого движения к какому-либо дню» и могла откликнуться «на разные моменты в течение всей сессии»¹⁰¹.

Вслед за Милюковым историки полагали, что идея шествия к Таврическому дворцу была полицейской провокацией, поскольку эту идею поддерживал член Рабочей группы меньшевик В.М. Абросимов, являвшийся агентом охранки. Однако, во-первых, согласно показаниям Глобачева, в конце 1916 – начале 1917 г. Абросимов «перестал давать сведения по Рабочей группе», поскольку, зная о близости переворота, «торговал на две лавочки»¹⁰², а во-вторых, по свидетельству Маевского, Абросимов «не принимал почти никакого участия» в подготовке демонстрации¹⁰³. Накануне демонстрации Соколов в беседе с З.Н. Гиппиус, «отверг» мысль о какой-либо провокации и был «очень уверден в насчет скорых возможностей» революции, уверяя, что «движение в прекрасных руках»¹⁰⁴.

Ввиду открыто революционного характера деятельности Рабочей группы 27 января министр внутренних дел Протопопов (бывший член ЦВПК) приказал арестовать ее во главе с Гвоздевым. На свободе остались только Я.И. Аносовский и Я.С. Остапенко, а также Абросимов, арестованный перед самой революцией. Ликвидацию Рабочей группы Гучков использовал для повышения антиправительственных настроений столичного пролетариата: 28 января он направил в больничные кассы циркулярное письмо, призвав их протестовать против ареста товарищей¹⁰⁵.

Координируя деятельность общественной и революционной контрэлиты по подготовке государственного переворота, Гучков провел 29 января в помещении Вещевого отдела ЦВПК (Невский, 59) совещание представителей ЦВПК, Московского областного военно-промышленного комитета, рабочих групп, Земского и Городского союзов, депутатов Думы и выборных членов Государственного совета (всего 35 человек). Совещание должно было установить контакт между «всеми представителями оппозиционной общественности» и содействовать выработке «общего плана действий в борьбе с правительственной властью». В качестве мер «внезаконной борьбы» участники совещания предложили устроить шествие рабочих к Думе и объявить длительную всеобщую забастовку. В конце заседания присутствующие единогласно высказались за необходимость созыва нового совещания для того, чтобы «выработать путь для общей и более решительной борьбы с ныне существующей правительственной властью» и «избрать из своей среды особо законспирированный и замкнутый кружок, который мог бы играть роль руководящего центра для всей общественности»¹⁰⁶.

Новое совещание состоялось 5 февраля снова под председательством Гучкова в помещении ЦВПК¹⁰⁷. Судя по всему, именно об этом совещании вспоминал Милюков, рассказывая о том, как его участники единодушно пришли к выводу о необходимости замены Николая II Алексеем, установления регентства Михаила и создания правительства во главе с кн. Г.Е. Львовым. Во время совещания Гучков «тайственно молчал,

и это молчание принималось за доказательство его участия в предстоявшем перевороте»¹⁰⁸. У же в эмиграции Гучков сообщил А.П. Столыпиной, что в феврале 1917 г., незадолго до революции, образовался «комитет по подготовке мятежа», куда вошли, кроме него, Керенский, Милюков, Некрасов и «многие другие»¹⁰⁹. Вероятно, данный комитет и представлял собой тот «особо законспирированный и замкнутый кружок», о необходимости которого шла речь на совещании 29 января. Во всяком случае, когда 9 февраля 1917 г. в кабинете председателя Думы М.В. Родзянко произошло совещание лидеров оппозиции и руководителей ЦВПК, «самым неумолимым и резким» по отношению к Николаю II оказался Терещенко¹¹⁰. По сведениям Соколова, участники совещания решили, что переворот «откладывать дальше нельзя», а потому при возвращении царя из Ставки, его «в районе армии Рузского задержат и заставят отречься»¹¹¹.

В те же дни, по воспоминаниям выборного члена Государственного совета П.П. Менделеева, во время обеда, на котором под председательством Гучкова собрались около 40 членов обеих законодательных палат, «мыслью о перевороте» были проникнуты «все собравшиеся, всё сказанное»¹¹². «Датой [начала] движения, – писал о Февральской революции участвовавший в этих совещаниях Переверзев, – нужно считать арест Рабочей группы ЦВПК. Вспомните то возбуждение, которое тогда охватило все центральные организации, вспомните те совещания, которые устраивал Гучков с представителями лидеров думских партий, с представителями всех центральных организаций, с представителями Государственного совета; вспомните, что на этих собраниях впервые эти представители заявили, что наступило время активной борьбы с правительством, вспомните возбуждение, которое охватило тогда рабочие массы, вспомните те запросы, которые по этому поводу были внесены почти накануне великих событий. Вы тогда увидите причинную связь между той... революцией, которая совершилась у нас, ... и между мелкой и крупной работой ЦВПК»¹¹³.

Несмотря на арест Рабочей группы, руководители ЦВПК по-прежнему делали ставку на массовое движение пролетариата. Гучков и Коновалов уговорили правительство оставить Гвоздева под домашним арестом, и он имел «полную возможность поддерживать связи с рабочими организациями и деятелями»¹¹⁴. Неудивительно, что руководимая оставшимися на свободе членами Рабочей группы забастовка 14 февраля все-таки состоялась¹¹⁵. Однако шествие к Государственной думе по тактическим соображениям было отменено¹¹⁶.

Аносовский и Остапенко 16 февраля участвовали в заседании Бюро ЦВПК, причем Остапенко заявил «о необходимости обращения от имени членов Рабочей группы, ЦВПК и ПВПК к рабочим бастующих петроградских фабрик с призывом встать на работу и предложением созвать при ЦВПК совещание представителей от рабочих бастующих заводов, в целях содействия скорейшему окончанию забастовочного движения». По сути, под благовидным предлогом Остапенко выдвинул идею создания Совета рабочих депутатов. Бюро одобрило представленный им проект обращения к рабочим Петрограда и постановило принять меры «к его возможно более широкому распространению», но совещание депутатов решило «не созывать ввиду возможных арестов среди членов совещания»¹¹⁷. Благодаря покровительству лидеров ЦВПК, Гвоздев и его соратники могли и далее руководить мобилизацией пролетариата, поскольку структуры, подчинявшиеся группе (прежде всего – комиссии содействия, больничные кассы, кооперативы), после ее ареста сохранились в неприкосновенности. По свидетельству Новорусского, «дело по подготовке революции» продолжалось и после 27 января, вследствие чего «в самой подготовке революции», которая, «действительно, велась Рабочей группой», ей «принадлежало одно из самых видных мест»¹¹⁸. Как и ранее, подготовку революции группа вела под руководством ЦВПК, Бюро которого заседало 17, 18, 20 и 21 февраля.

В начале 1917 г. лидеры ЦВПК привлекли к организации массового движения и представителей предпринимательской элиты. Согласно сведениям Департамента полиции, Гучков и его соратники возлагали тогда «свои упования» на «могущественный класс промышленников»¹¹⁹. Во время состоявшегося 8 февраля в помещении «одно-

го крупного промышленного предприятия» заседания, участниками которого стали 40 деятелей финансового и промышленного мира и 4 эмиссара заграничных банков, было решено объявить финансовый бойкот царскому режиму. В случае нового займа финансисты и промышленники соглашались «дать деньги лишь народу», но не императорскому правительству¹²⁰. По свидетельству большевика Т.К. Кондратьева, в феврале 1917 г. директора фабрик и заводов, разделявшие оппозиционные взгляды, сами организовывали забастовки, закрывая свои предприятия, и рабочим «волей-неволей приходилось бастовать»¹²¹.

Представители предпринимательской элиты имели возможности не только для организационной, но и финансовой поддержки революционного движения. В 1916 – начале 1917 г., вспоминал меньшевик Чхеидзе, оппозиционные деятели собирали по подписке деньги «на подготовку революции»¹²². Про «очень большие средства на революционную деятельность, собранные по подписке крупными промышленниками», писал и октябрьщик Н.И. Савич, которому его коллега по ЦВПК, Литвинов-Фалинский, сообщил, что купечество Москвы «решило пожертвовать десятки миллионов рублей на революцию»¹²³. По данным дворцового коменданта генерала В.Н. Войкова, «именитое московское купечество» тратило «унаследованные от предков достояния на поддержку увлекшего их революционного движения»¹²⁴. Революционное настроение русского общества, по словам штаммейстера В.Ф. Винберга, нашло «живой отклик в московской крупной промышленной среде», а потому такие ее представители, как А.И. Коновалов, П.П. Рябушинский, С.А. Смирнов и С.Н. Третьяков (члены ЦВПК и Московского ВПК) «жертвовали широко свои миллионы на дело подготовлявшегося Февральского переворота», на «“развитие и расширение” революции»¹²⁵. Крупными жертвователями являлись также Терещенко (давший по одним сведениям миллион¹²⁶, а по другим – 5 млн руб. «на революцию»¹²⁷), А.А. Котельников¹²⁸, гр. А.А. Орлов-Давыдов¹²⁹. Октябрьщик Оболенский писал, что будущую революцию «снабжали деньгами» Гучков, Терещенко «и многие другие»¹³⁰. Вообще, ЦВПК оказался, по-видимому, главным каналом финансирования революции. Впоследствии Савичу стало известно, что под эгидой ЦВПК функционировали два связанных друг с другом революционных центра: в первый из них входили либералы (Коновалов, Львов, Рябушинский, Челноков, все – члены ЦВПК), действовавшие «в верхах общества и армии», а во второй, финансируемый первым, – социалисты (связанные с Рабочей группой Керенский, М.И. Скобелев, Чхеидзе), агитировавшие «в казармах и на фабриках». «Взрыв в феврале 1917 г., – указывал Савич, – дело рук второй организации, которая воспользовалась деньгами первой»¹³¹. Косвенным подтверждением финансирования ЦВПК Февральской революции является эпизод, имевший место на заседании его Бюро 3 марта 1917 г., когда Кутлер сообщил, что на текущем счету ЦВПК в Госбанке имеется лишь около 15 млн руб., хотя финансовый год только начинался¹³². Таким образом, при изучении причин Февральной революции гораздо важнее проблема не иностранных, а русских денег, хотя, конечно, следует учитывать и зарубежное финансирование.

На одном из первых заседаний Временного правительства Миллюков заявил, что «германские деньги сыграли свою роль в числе факторов, содействовавших перевороту»¹³³. Эти слова получили подтверждение после Второй мировой войны, когда в руки историков попали документы, бесспорно доказывающие, что уже в начале 1915 г. германское правительство по совету А.Л. Парвуса (Гельфанд) приступило к «революционизации России» и поощрению рабочего движения¹³⁴. «Люди Парвуса», созданная им конспиративная сеть агентов, обеспечивали поступление немецких денег в Петроград. Не менее 10 агентов курсировали между Данией, Швецией и Россией (Н.Я. Богровский, В.В. Воровский, А.М. Коллонтай, А. Крузе, Г. Мёллер, М.С. Урицкий, В. Шаттенштейн, А.Г. Шляпников и др.). Правой рукой Парвуса являлся Я.С. Ганецкий (Фюрстенберг), на счета его двоюродной сестры Е.М. Суменсон в Русско-Азиатском коммерческом банке (членом правления которого состоял Л.Б. Красин) и приходили деньги. Распределявший их среди революционеров М.Ю. Козловский жил на одной квартире с Н.Д. Соколовым, участвовавшим в заседаниях Рабочей группы

ЦВПК. С марта по июль 1915 г. германский МИД передал Парвусу 11 млн марок, в конце того же года он попросил еще 20 млн руб. и сразу же получил миллион (о чем сохранилась его собственноручная расписка). Эти средства шли на финансирование забастовочного движения, из расчета полторы марки рабочему за день простоя. Результатом стали забастовки, прошедшие в Петрограде и Николаеве в январе–марте 1916 г. Любопытно, что Департамент полиции МВД был осведомлен о деятельности Парвуса и его сообщников. Так, в декабре 1915 г. агент заграничной охранки С.И. Бурштейн писал товарищу министра внутренних дел С.П. Белецкому, что во главе «всех фирм», «работающих на территории Скандинавии на поражение России – как внутри- так и внешнеполитическое, стоит доктор Гельфанд со своим помощником Фюрстенбергом и уполномоченным Козловским и многими другими». В следующем письме Бурштейн извещал, что Парвус ведет «широкую деятельность, направленную на осуществление революции в России... с помощью своего уполномоченного М.Ю. Козловского», который получает от него «крупные суммы». За пять дней до 22 февраля 1917 г. очередной транш немецких субсидий был отправлен на скандинавские счета революционеров и, очевидно, вскоре поступил в Петроград, поскольку 24 февраля в Берлин полетела просьба «не прекращать субсидии»¹³⁵.

Одновременно, по данным британской разведки, Д. Ллойд Джордж и А. Мильнер выделили для организации русской революции 21 млн руб.¹³⁶ Причем английский посол в России Д.У. Бьюкенен «на расходы по революции... выдавал 200.000 руб. в неделю, через банкирскую контору Юнкера»¹³⁷. Однако падение монархии в планы англичан явно не входило. Во всяком случае, 29 марта 1917 г. немецкий посол в Дании граф У. фон Брокдорф-Рантцау, ссылаясь на Парвуса, сообщал в Берлин: «Ошибочно предполагать, что Англия инсценировала революцию, чтобы предотвратить опрометчивое заключение мира царем. Англия, вероятно, хотела установления в России либерального капитализма, наиболее угодного для себя, но она не думала о действительно большой революции и о свержении царизма»¹³⁸.

Конечно, нельзя говорить о спланированности всех событий переворота в Петрограде. Но вскоре после свержения Николая II, на вопрос о том, «был ли у Государственной думы заранее подготовленный план того, что под ее верховным руководством свершили», депутат Н.И. Нечаев ответил: «У Государственной думы такого плана не было. У рабочих, пожалуй, был»¹³⁹. Очевидно, речь шла о Рабочей группе ЦВПК. По сведениям кн. Л.Л. Васильчиковой (сестры кн. Д.Л. Вяземского), у Керенского еще до 17 февраля 1917 г. имелась «программа, выработанная день за днем предполагавшейся революции, совпадавшая во всех пунктах с тем, чего мы... были свидетелями: пропаганда среди рабочих на почве недостатка в продовольствии и мятеж в запасном гарнизоне». Княгиня настаивала на том, что 22–23 февраля стал приводиться в исполнение «заранее выработанный план», а в последующие дни «мятежники действовали согласно определенной программе, выработанной и продиктованной революционной организацией»¹⁴⁰. Начальник Гражданской канцелярии Ставки А.А. Ладыженский также утверждал, что к моменту начала переворота в Петрограде «все было заранее подготовлено и роли распределены заблаговременно»¹⁴¹. В ходе Февральской революции, писал Спиридович, «осуществлялся давно задуманный план добиться реформы и отречения Государя»¹⁴². Впрочем, полицейские не абсолютизировали организованности февральских событий. Отметив, что «после отъезда Государя в Ставку решено было воспользоваться первым же подходящим поводом для того, чтобы вызвать восстание», Глобачев счел нужным уточнить: «Я не скажу, чтобы был разработан план переворота во всех подробностях, но главные этапы и персонажи были намечены. Игра велась очень тонко»¹⁴³.

В начале января 1917 г. Гучков информировал Бьюкенена, что «перед Пасхой» (т.е. до 2 апреля) «должна произойти революция», которая продлится «не больше двух недель»¹⁴⁴. На рубеже 1916–1917 гг. о близости государственного переворота кн. Львов сообщил лидерам оппозиции¹⁴⁵, а Терещенко и В.В. Шульгин – вел. кн. Николаю Михайловичу¹⁴⁶. В начале февраля 1917 г. Львов и Челноков говорили Мильнеру, что «ре-

волюция вспыхнет» «в течение трех недель»¹⁴⁷. В середине января 1917 г. болгарский посланник в Германии Д. Ризов, будучи в Стокгольме, сообщил посланнику России в Швеции А.В. Неклюдову, что «через месяц, или самое позднее через полтора, произойдут события, после которых... с русской стороны будут более склонны к разговорам с нами»¹⁴⁸. Германский посланник в Швеции Г. Люциус фон Штредтен 23 февраля 1917 г. телеграфировал в Берлин, что в Петрограде «предстоит внутриполитический переворот», причем «события большой важности ожидаются уже в этом месяце». На следующий день Люциус информировал свое начальство, что «революционное движение радостно продвигается»: «Запланировано весной объявить правительство недееспособным и создать из революционных союзов Временное правительство»¹⁴⁹. Оболенский, посвященный Гучковым в детали заговора, прямо указывал в мемуарах, что «восстание было назначено 22 февраля 1917 г.»¹⁵⁰. Как признавались уже после революции Гучков и Терещенко, они намечали переворот на 1 марта 1917 г., связывая его с отъездом Николая II из Ставки¹⁵¹. Вечером 23 февраля, после того как Николай II уехал в Могилев, оппозиционно настроенные офицеры, гостиившие у П.П. Коцебу, говорили, что царь «никогда не вернется из Ставки»¹⁵². Выбор лидерами ЦВПК времени революции – накануне решающего наступления Антанты в мае 1917 г. – объяснялся их верой в неизбежность скорой победы и желанием вырвать лавры победителя из рук самодержавия, дабы предотвратить укрепление его престижа. Характеризуя предреволюционные настроения, Терещенко вспоминал: «В семье союзных народов русский человек с трепетом и надеждою, взирая на конец войны, думал: неужели конец этот укрепит силу цезаризма?»¹⁵³.

Руководители ЦВПК не только стояли у истоков Февральской революции, но и пытались направлять ее ход. Заседания Бюро ЦВПК происходили 22, 24, 25 и 27 февраля 1917 г. На состоявшемся 8 марта 1917 г. торжественном заседании ЦВПК Гучков откровенно заявил, что его учреждения «сыграли роль» во время революции, и он гордится их «участием» «в событиях последних дней», когда «военно-промышленная организация» «приняла ту боевую вооруженную позицию, которую пришлось принять, чтобы выполнить нашу основную и заранее поставленную задачу – добиться победы»¹⁵⁴. Немного позже, обедая с несколькими офицерами-единомышленниками и объясняя им, почему «революция грязнула», Гучков заметил: «Между прочим... по моей вине. Я хочу, чтобы вы об этом знали»¹⁵⁵. Керенский впоследствии «без колебаний» признавал, что «такие личности, как Гучков», проявили в феврале 1917 г. «истинно революционный дух», «сражаясь за революцию»¹⁵⁶. «Интриги и проказы этого человека, – писал о Гучкове Васильев, – сильнее, чем что-либо другое, способствовали успеху революции»¹⁵⁷. В начале марта 1917 г. сотрудник ЦВПК С. Дмитриевский свидетельствовал, что «в эти великие дни военно-промышленные комитеты очутились в первых рядах защитников нового строя», поскольку давно уже «вступили на путь борьбы со старой властью и сделались, в конечном результате, теми организациями, в которых было выковано первое оружие народного гнева». Именно они «на местах были организующими ячейками объединенной общественности»¹⁵⁸. Другой сотрудник ЦВПК, Н. Волковысский, указывал, что комитеты «приняли деятельное участие» в «свержении» самодержавия и имели прямое отношение «к прокладке тех дорог, по которым пошла к победе восставшая Россия»¹⁵⁹. Согласно признаниям Некрасова и Терещенко, революцией руководила «небольшая кучка людей» в пять человек¹⁶⁰. Характерно, что 25 февраля 1917 г. агент «Кочегар», действовавший в партии эсеров, сообщал Департаменту полиции про «руководящий центр, откуда получаются директивы», причем «центральный руководящий орган носит, видимо, внепартийный характер»¹⁶¹.

Заговорщики явно рассчитывали использовать массовое движение для давления на Николая II, чтобы вынудить его добровольно отказаться от престола (по их мнению, отречение обязательно должно было выглядеть добровольным, дабы избежать начала гражданской войны). По сведениям Оболенского, «беспорядки» 23–26 февраля 1917 г. были организованы заговорщиками с целью «показать» Николаю II «безвыходность положения и тем принудить его к отречению»¹⁶². 23 февраля Гучков, будучи в гостях у

родственников Вяземского, заявил им, что необходимо «отречение Государя в пользу цесаревича». Кроме того, как следовало из его слов, рабочие «оказались на улице только потому, что заводы закрылись»¹⁶³. Близкий к Гучкову Родзянко 26 февраля также телеграфировал Николаю II, что заводы «останавливаются за недостатком топлива и сырого материала»¹⁶⁴. Следовательно, Гучков и Родзянко, в отличие от многих своих современников, объясняли остановку предприятий не забастовками, а чисто техническими причинами. Судя по всему, 23–26 февраля значительная часть фабрик и заводов закрылась по инициативе промышленников, а не рабочих, которые при этом получали «пособие»¹⁶⁵.

Директива о начале демонстраций исходила от руководителей ЦВПК. 23 февраля Терещенко прямо заявил Литвинову-Фалинскому, что «мы дадим приказ рабочим выходить на улицу»¹⁶⁶. Сестра Вяземского Васильчикова знала, что «движение среди рабочих», как и последовавший «мятеж солдат» «были вызваны и руководились какой-то революционной организацией»¹⁶⁷. Глобачев, объясняя причины революции, вспоминал, что «через ЦВПК в рабочие массы были брошены политические лозунги» ипущены ложные слухи «о надвигающемся якобы голоде и отсутствии хлеба в столице». Действия эти являлись «привокационными – с целью вызвать крупные волнения и беспорядки»¹⁶⁸.

Посредниками между ЦВПК и пролетариатом выступали Гвоздев и оставшиеся на свободе члены Рабочей группы. «Если мы возьмем и рассмотрим все те события, которые произошли, – отмечал Переверзев, – мы должны сказать, что первый толчок тому движению, которое развилось в Петрограде, которое в конце концов смело династию Романовых, – первый толчок этому движению дал ЦВПК, в лице его Рабочей группы»¹⁶⁹. «Оппозиционные политические деятели комитетов, – указывал Протопопов, – через рабочих депутатов установили связь с рабочими массами и организовали их в нужное время на борьбу с существовавшим строем за осуществление политических идеалов оппозиции»¹⁷⁰. Новорусский вспоминал, что «в первые дни революции, при установлении Временного правительства и при свержении самодержавия Рабочей группе принадлежало одно из самых видных мест»¹⁷¹.

Организуя демонстрации 23–26 февраля, Рабочая группа использовала структуры, созданные ею к 14 февраля. Ключевую роль играло контролировавшееся гвоздевцами правление Петроградского союза рабочих потребительских обществ, которое 23 февраля, в больничной кассе Машиностроительного завода И.А. Семенова, и 25 февраля, в своем помещении (Старый Невский, 144), созывало совещания, собиравшие членов комиссий содействия Группе, деятелей больничных касс, кооперативов и профсоюзов, а также лидеров левых фракций Государственной думы. В совещаниях участвовали около 35 человек, в том числе председатель Союза рабочий И.Д. Волков, меньшевики Ф.А. Череванин, Чхеидзе и др. Формально они посвящались обсуждению продовольственного вопроса, фактически же решали вопрос о том, «как организовать движение», 25 февраля постановив образовать Совет рабочих депутатов¹⁷². Большая часть их участников, по выражению Суханова, «предвкушала и прокламировала революцию». Не случайно Суханов признавал за этими совещаниями «огромную историческую заслугу» в области подготовки «техники и организации сил революции»¹⁷³.

На проходившем 25 февраля 1917 г. под председательством Гучкова заседании Бюро ЦВПК оставшийся на свободе член Рабочей группы Аносовский возбудил вопрос «о необходимости срочно принять надлежащие меры к умиротворению ныне происходящего движения и направления последнего в правильное русло, не дав этому движению возможности вылиться в уродливые формы». При этом следовало ходатайствовать «о немедленном освобождении арестованных членов Рабочей группы и восстановлении деятельности группы, которая взяла бы на себя задачу внесения успокоения в рабочие массы». Поддержав Аносовского, бюро постановило созвать 27 февраля членов ЦВПК «для обсуждения целесообразности» его предложений, которые явно были направлены на углубление революции¹⁷⁴.

Усилиению массового движения заметно способствовало совещание представителей военно-промышленных комитетов, открывшееся по инициативе Гучкова днем 25 февраля в Троицком переулке. «Руководящую роль» на нем играл Гвоздев¹⁷⁵. В 8 часов вечера Аносовский и Остапенко, с разрешения Гучкова, устроили в помещении ЦВПК на Литейном собрание с участием Керенского и Скобелева¹⁷⁶. На нем присутствовали и участники совещаний, проходивших ранее под эгидой Петроградского союза рабочих потребительских обществ, всего – «человек 50». Тем временем Глобачев извещал командующего Петроградским военным округом генерала С.С. Хабалова, что «выступление толпы, несомненно, инспирируется» «революционерами», собравшимися в ЦВПК «под предлогом, якобы, обсуждения вопроса о продовольствии, но в существе дела для обсуждения вопроса об организации беспорядков»¹⁷⁷.

Так же характеризовал проходившее в ЦВПК собрание 25 февраля и связанный с гвоздевцами рабочий завода «Арсенал» И. Марков: «Фактически-то это и был уже Совет рабочих депутатов, самими рабочими еще без указания партийных центров составлявшийся»¹⁷⁸. Демонстранты видели в членах собрания своих вожаков; проходя вечером 25 февраля около ЦВПК, они кричали: «Здесь наши рабочие представители, наши товарищи, ура!»¹⁷⁹. Тогда же собрание на Литейном было прекращено полицией, а 28 его участников арестованы, несмотря на протесты вызванного в этой связи Терещенко, по воспоминаниям которого один из задержанных рабочих «весело» сказал, обращаясь к остальным: «Еще одно усилие – и дело будет наше! Только не сдавайтесь!»¹⁸⁰. Тем не менее, после допроса под арестом остались Аносовский и Остапенко, другие же были отпущены по ходатайству члена ЦВПК Шингарева перед председателем Совета министров кн. Н.Д. Голицыным¹⁸¹.

Между тем участники собрания на Литейном (в том числе Керенский, Скобелев и др.) перешли в Петроградскую городскую думу, где собирались и члены совещаний, инициированных Петроградским союзом рабочих потребительских обществ. Хотя формально начавшееся в 9 вечера заседание городской думы, как и другие подобного рода мероприятия, имело целью рассмотрение продовольственного вопроса, оно, судя по полицейскому донесению, «приняло характер памятных по 1905 г. революционных митингов»¹⁸². Как вспоминал оппозиционный журналист Е.П. Семенов, заседание городской думы было, «несомненно, революционное» и стало «знаменательным предвестником, если не первым голосом начавшейся революции»¹⁸³. Революционность чувствовалась, прежде всего, в выступлениях гвоздевцев: Волков заявил, что «только при демократизации современного строя можно бороться с продовольственными нерядицами», а рабочий Самодуров требовал «современный государственный аппарат... уничтожить до основания»¹⁸⁴. При этом степень революционности рабочих была обусловлена настроениями их покровителей из ЦВПК. Вечером 26 февраля Коновалов объезжал рабочих, организуя выборы в Совет рабочих депутатов¹⁸⁵. Тогда же, узнав от кадета В.А. Маклакова о его переговорах с министрами и попытках достичь компромисса между правительством и оппозицией, Коновалов возмущенно воскликнул: «Что вы делаете? На фабриках сейчас происходят выборы депутатов. Мы накануне революции, а вы ее хотите сорвать»¹⁸⁶.

Утром 27 февраля, в решающий день Февральской революции, именно руководители ЦВПК инициировали восстание Волынского полка. Во всяком случае, по авторитетному мнению Иорданского, выступление волынцев «получило направление от военной организации» Гучкова, согласно же данным французского генерала М. Жанена и Оболенского, каждый солдат, участвовавший в бунте 27 февраля, как и в состоявшемся накануне выступлении Павловского полка, ежедневно получал из «революционного фонда» по 25 руб.¹⁸⁷

Руководя мятежом, лидеры ЦВПК в то же время активно способствовали созданию 27 февраля Временного комитета Государственной думы и Исполнительного комитета Совета рабочих депутатов. С утра 27 февраля Некрасов был в Таврическом дворце, созывая туда по телефону депутатов¹⁸⁸. Немедленно после освобождения восставшими членов Рабочей группы управляющий делами ЦВПК барон Г.Х. Майдель, используя,

как писал Иорданский, «гучковский или коноваловский автомобиль», «с благословения» своих патронов обезжал вместе с Гвоздевым петроградские предприятия и вел агитацию в пользу «немедленных выборов Совета рабочих депутатов по примеру 1905 г.»¹⁸⁹ Освобожденные гвоздевцы направились в ЦВПК для того, чтобы, по выражению Новорусского, «дать толчок к дальнейшим действиям». Богданов, «располагающий той силой, которая вышла на улицу в его отсутствие», обратился к общественным деятелям, находившимся в ЦВПК: «Идемте все в Думу. Мы власть уже захватили. Но без вас не сможем удержать ее. Будем действовать вместе»¹⁹⁰. Члены группы и их сторонники вошли в Таврический дворец после полудня¹⁹¹, воплощая пропагандировавшуюся Рабочей группой идею союза пролетариата и «цензовой общественности» в борьбе против царизма. Маевский указывал, что «работа Группы, все время направлявшая внимание рабочей демократии к Думе, не пропала даром»: «она сказалась в февральских днях, когда стихия революционного движения, после некоторых блужданий, влилась в то русло, на которое указывало своей годовой работой среди петроградского пролетариата рабочее представительство при ЦВПК»¹⁹².

После появление в Таврическом дворце рабочих депутаты по инициативе Некрасова и его единомышленников вступили на путь «первых революционных шагов», устроив частное совещание, избравшее Временный комитет Думы во главе с Родзянко¹⁹³. А вечером 27 февраля Богданов, Гвоздев и члены Рабочей группы образовали в Таврическом дворце Исполнительный комитет Совета рабочих депутатов, которому Коновалов предоставил комнату Бюджетной комиссии¹⁹⁴. Вскоре там можно было встретить «многих заводских представителей» из числа сторонников Рабочей группы. «Эти представители, – вспоминал Новорусский, – являясь десятками в Рабочую группу, постепенно формировали зародыш “Совета рабочих депутатов”, который тотчас вылупился из яйца, как только приспело к тому время»¹⁹⁵.

Руководители ЦВПК сыграли решающую роль и в защите новой власти, подавлении очагов контрреволюции и урегулировании конфликтов между солдатами и офицерами. Под «штаб восстания» Некрасов отвел в Таврическом дворце комнаты № 41 и 42, т.е. собственный кабинет и смежное с ним помещение. Гучков уже 21 февраля предложил депутатам образовать Военную комиссию «по защите Думы от правительства», назначить ее председателем прогрессиста Б.А. Энгельгардта, а его помощником – инженера Пальчинского (члена ЦВПК). Последний хотя и не являлся депутатом, однако, будучи, по свидетельству полковника Ф.И. Балабина, «единомышленником и ставленником» Гучкова, фактически «возглавлял» Военную комиссию. Характеризуя ситуацию в Военной комиссии, активный участник революции генерал П.А. Половцов писал: «Дело ведет Пальчинский»¹⁹⁶. Благодаря ему, уже 27 февраля в распоряжении комиссии оказались 60 автомобилей ЦВПК, которые использовались восставшими для установления контроля над отдельными районами Петрограда и агитации за превращение Думы в центр революции. На этих автомобилях вооруженные солдаты и рабочие, связанные, по свидетельству Рафеса, с Рабочей группой, разъезжали по столице икричали толпам: «Идите в Таврический дворец! Идите в Государственную думу!»¹⁹⁷.

Некрасов, ведя «техническую работу помощи революции», вплоть до 3 марта находился в Таврическом дворце, откуда по телефону давал распоряжения и справки, в частности – Петроградской телефонной станции и своим представителям «в разных учреждениях», а также подписывал приказы об арестах, занятиях ведомств и назначении в них комиссаров. Некрасов же руководил Бубликовым, который с 28 февраля, как комиссар Временного комитета в Министерстве путей сообщения, контролировал передвижение поездов Николая II и отряда генерала Н.И. Иванова¹⁹⁸, Бубликов, по его признанию, «с особенной внимательностью» следил за ними и принимал меры «по задержанию таких поездов в подходящих для этого местах»¹⁹⁹. Сотрудники ЦВПК прямо указывали, что царский и ивановский поезда были «задержаны» «по приказанию А.А. Бубликова»²⁰⁰.

Во время революции руководящая роль была характерна не только для лидеров ЦВПК, но и для него как учреждения. По воспоминаниям Новорусского и Оболен-

ского, 27 февраля в ЦВПК собралось «много» общественных деятелей, принадлежавших, главным образом, к «левой петербургской интеллигенции»²⁰¹. Состоявшееся там вечером 27 февраля совещание представителей общественных организаций (военно-промышленных комитетов, Земского и Городского союзов, Петроградской городской думы, санитарных попечительств и попечительств о бедных и др.) приняло резолюцию, призывающую Думу возглавить революцию. Участники совещания приветствовали «постановление Государственной думы не расходиться и ее решимость принять власть в свои руки», и выражали надежду на то, что Временный комитет Думы «встретит дружную поддержку общественных организаций и даст, наконец, России полную победу над внешним и внутренним врагом»²⁰². Это стало первым публичным актом общественной солидарности с думцами.

Особое внимание в ЦВПК уделяли информационно-пропагандистскому обеспечению революции. Вечером 27 февраля именно на Литейном, 46 возникла идея выпустить «Известия» Комитета петроградских журналистов²⁰³. 1 марта на заседании Бюро ЦВПК было решено послать телеграмму местным военно-промышленным комитетам «о происшедших в Петрограде событиях», предварительно испросив одобрения Временного комитета Думы. Телеграммой от 1 марта ЦВПК информировал нижестоящие структуры о создании Временного комитета, чьи распоряжения «исполняются беспрекословно». 2 марта Бюро одобрило проект воззвания ЦВПК «по поводу текущих событий», подготовленный крупным промышленником Н.Ф. фон Дитмаром, постановив принять меры «к возможно широкому распространению воззвания»²⁰⁴.

При этом ЦВПК представлял собой не только агитационный, но и организационный центр. Вечером 27 февраля в ЦВПК происходили совещания об организации «порядка в городе» и питания восставших солдат²⁰⁵. На следующий день появились два воззвания связанного с ЦВПК Комитета военно-технической помощи объединенных научных и технических организаций. Первое из них сообщало «гражданам», что «скорошее установление уличного порядка» является основной задачей момента, а второе призывало «студенчество» записываться в «организацию для поддержания порядка в Петрограде»²⁰⁶. В результате, студенческая милиция контролировала впоследствии центральные районы столицы.

ЦВПК не остался в стороне и от создания Временного правительства. Еще 27 февраля Гучков и Терещенко сообщили гр. В.Н. Коковцову, что Дума «формирует правительство» (хотя официальные переговоры об этом состоялись только через два дня), и Терещенко получит в нем пост министра финансов²⁰⁷. Эту должность Михаил Иванович занимал со 2 марта по 5 мая 1917 г. 1 марта ЦВПК направил Временному комитету Государственной думы официальное обращение, в котором указывал на то, что «страна нуждается в немедленной организации власти»²⁰⁸. Характерно, что именно 1 марта начались переговоры между членами Временного комитета и Исполкома Совета, закончившиеся 2 марта образованием Временного правительства (из 11-ти его членов только трое – В.Н. Львов, А.А. Мануйлов и Милюков – не были связаны с ЦВПК и его Рабочей группой). Так или иначе, 27 и 28 февраля (не говоря о предыдущих днях) реальный, а не декоративный штаб революции находился на Литейном, 46, а не в Таврическом дворце, куда он переместился окончательно только 1 марта, когда Гучков официально возглавил Военную комиссию Государственной думы.

Рассмотрение ключевых событий Февральской революции показывает, что она в известной степени стала результатом реализации плана государственного переворота, разработанного в окружении Гучкова и воплощенного ЦВПК и его Рабочей группой, хотя, бесспорно, свою роль играли и Дума, и социалисты, и масоны, и английские и германские агенты, наконец, человеческая стихия, проявившаяся в погромах хлебных лавок, винных погребов и т.д. При этом Гучков и его соратники вели дело именно к революции – «бескровной революции» (говоря словами участовавшего в заговоре генерала А.М. Крымова²⁰⁹) или «анаrchически-стихийной революции» (по выражению А.Т. Васильева²¹⁰). Февральскую революцию подготовили не подпольные, а легальные структуры – ЦВПК и Рабочая группа, официально занимавшиеся помощью армии, по

причине чего борьба царского правительства с их революционной деятельностью была крайне затруднена, внешне приобретая антипатриотический характер и лишь усиливая критическое отношение к власти со стороны общества²¹¹.

Непосредственно после падения монархии признание Февральской революции не стихийной, а инспирированной кучкой заговорщиков, затрудняло ее легитимацию и лишало случившееся ореола всенародного волеизъявления. Характерны сомнения А.А. Блока, близкого друга Терещенко, от которого поэт мог узнать о закулисной стороне февральских событий. «Революция, – писал он в дневнике 25 мая 1917 г., – предполагает волю; было ли действие воли? Было со стороны небольшой кучки лиц. Не знаю, была ли революция?»²¹². Уже 8 марта 1917 г. Гучков начал доказывать, что Февральская революция являлась результатом не «какого-то умного и хитрого заговора, какого-то комплата, работы каких-то замаскированных заговорщиков», а «стихийных исторических сил». В том, что революция не была «результатом работы какой-то группы заговорщиков», наподобие тех, которые участвовали «в младотурецком или младопортугальском перевороте», заключалась, по мнению Гучкова, гарантия ее «незыблевой прочности». «Не людьми этот переворот сделан, – настаивал он, – и, поэтому, не людьми может он быть разрушен»²¹³.

Позднее изучение подготовки Февральской революции затруднялось идеологемами, сковывавшими работу советских историков. Так, классовая парадигма, в ее ленинской интерпретации, не позволяла отрешиться от жесткого противопоставления буржуазии и пролетариата, из-за чего даже не возникало вопроса об их способности действовать солидарно, как это происходило в феврале 1917 г. Между тем надуманность заявлений о руководящей роли большевиков во время Февральской революции была настолько очевидна, что нежелание или отсутствие возможности признать революционность «классового врага» заставляли доказывать стихийность произошедшего. Западные историки во многом находились под влиянием воспоминаний эмигрантов. Оказавшиеся же в эмиграции мемуаристы (в том числе и Гучков) имели веские причины преуменьшать свою роль в свержении монархии. После того, как революционный процесс вышел из-под контроля и стал развиваться не в том направлении, на которое рассчитывали заговорщики, у них возникло естественное (и по-человечески понятное) стремление снять с себя ответственность за дальнейшее «углубление революции», свалив вину за личные просчеты на разгул народной стихии. Сказалось и резкое «правление» прежних оппозиционеров, пришедших в ужас от тех разрушительных сил, которые неосторожно были выпущены ими на историческую арену.

Примечания

¹ Об историографии данного вопроса см.: Знаменский О.Н. Советские историки о соотношении стихийности и организованности в Февральской революции // Свержение самодержавия. Сб. статей. М., 1970; Старцев В.И. Стихийность и организованность в Февральском восстании 1917 г. в Петрограде // 80 лет революции 1917 г. в России. СПб., 1997; Ганелин Р.Ш. О происхождении февральских революционных событий 1917 г. в Петрограде // Проблемы всемирной истории. Сборник статей в честь А.А. Фурсенко. СПб., 2000.

² История Гражданской войны в СССР. Т. 1. М., 1935. С. 48–60; Знаменский О.Н. Указ. соч. С. 283–289; Longley D.A. Jakovlev's question, or the historiography of the problem of spontaneity and leadership in the Russian revolution of February 1917 // Revolution in Russia: reassessments of 1917. Cambridge, 1992. P. 365–387.

³ Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967. И.П. Лейберов пытался совместить этот вывод с тезисом о лидирующей роли руководителей большевистского подполья: Лейберов И.П. На штурм самодержавия. Петроградский пролетариат в годы Первой мировой войны и Февральской революции (июль 1914 – март 1917 г.). М., 1979.

⁴ Хасегава Ц. Февральская революция: консенсус исследователей? // 1917 г. в судьбах России и мира. Февральская революция. От новых источников к новому осмысливанию. М., 1997. С. 98.

⁵ Hasegawa T. The February Revolution: Petrograd, 1917, Seattle; L., 1981.

⁶ Милоков П.Н. История второй русской революции. М., 2001. С. 39, 41.

⁷ Мельгунов С.П. На путях к дворцовому перевороту. Заговоры перед революцией 1917 г. Париж, 1931; Яковлев Н.Н. 1 августа 1914. М., 1993; Кобылин В. Анатомия измены. Император Николай II и генерал-адъютант М.В. Алексеев. СПб., 1998; Старцев В.И. Тайны русских масонов. Русское политическое масонство начала ХХ в. СПб., 2001; Платонов О.А. Покушение на русское царство. М., 2004; Брачев В.С. «Победоносный февраль» 1917 года: масонский след // Масоны и Февральская революция 1917 года. М., 2007.

⁸ Катков Г.М. Февральская революция. М., 1997; Хереш Э. Купленная революция. Тайное дело Парвуса. М., 2004; Траутман Й., Шиссер Г. Русская ruletka. Немецкие деньги для русской революции. М., 2004; Бьёркегрен Х. Скандинавский транзит. Российские революционеры в Скандинавии. 1906–1917. М., 2007; Зееман З., Шарлау У. Кредит на революцию. План Парвуса. М., 2007.

⁹ Melancon M. Rethinking Russia's February Revolution: Anonymous Spontaneity or Socialist Agency? Pittsburgh, 2000.

¹⁰ Николаев А.Б. Государственная дума в Февральской революции: очерки истории. Рязань, 2002; он же. Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля – 3 марта 1917 г. СПб., 2005.

¹¹ Юрий М.Ф. Центральный военно-промышленный комитет. 1915–1917 гг. Организационное устройство и деятельность. Черновцы, 1986; Сергеева С.Л. Военно-промышленные комитеты в годы Первой мировой войны. М., 1996; Кулакин Р.А. Политическая деятельность Центрального военно-промышленного комитета (1915–1918). Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2001; Siegelbaum L. The polities of industrial mobilization in Russia, 1914–1917: A study of the war-industries committees. N.Y., 1983.

¹² Хеймсон Л. Проблема политической и социальной стабильности в городской России накануне войны и революции: современный взгляд // Нестор. 2005. № 3. Между двух революций. 1905–1917. С. 189–191.

¹³ Айрапетов О.Р. Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронте и на революцию (1907–1917). М., 2003. С. 228–229.

¹⁴ Николаев А.Б. 27 февраля 1917 г.: к вопросу о центрах революции // Петербургская историческая школа. Альманах. СПб., 2002. С. 239, 245.

¹⁵ Куликов С.В. Рец. на кн.: Николаев А.Б. Государственная дума в Февральской революции: очерки истории. Рязань, 2002 // Клио. 2003. № 1(20). С. 242. См. также: он же. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань, 2004; он же. «Революции неизменно идут сверху...»: падение царизма сквозь призму элитистской парадигмы // Нестор. 2007. № 11. Смена парадигм: современная западная русистика. С. 151–185.

¹⁶ Михайлов И.В. Зачем в работе о «благосостоянии» вспоминать о революции? // Российская история. 2011. № 1. С. 191.

¹⁷ Кюнг П.А. Судьба архивных фондов военно-промышленных комитетов // Отечественные архивы. 2007. № 2. С. 31–35; он же. Военно-промышленные комитеты России в годы Первой мировой войны: историко-архивоведческое исследование. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2007. С. 17, 19, 21.

¹⁸ Личный состав военно-промышленных комитетов. По 24 октября 1915 г. Пг., 1915. С. 5, 8–28.

¹⁹ Протопопов А.Д. Предсмертная записка // Искендеров А.А. Закат империи. М., 2001. С. 557.

²⁰ Богданов Б.О. Фрагменты воспоминаний // Богданова Н.Б. Мой отец – меньшевик. СПб., 1994. С. 194. Ср.: Глобачев К.И. Правда о русской революции. Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения. М., 2009. С. 66–67.

²¹ Отчет о торжественном заседании ЦВПК 8 марта 1917 г. в Александровском зале Петроградской городской думы. Пг., 1917. С. 17–18.

²² Палеолог Ж.М. Дневник посла. М., 2003. С. 337–339.

²³ Керенский А.Ф. Русская революция. 1917. М., 2005. С. 87. Ср.: Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Т. 6. М.; Л., 1926. С. 260.

²⁴ Иностранные дипломаты о революции 1917 г. // Красный архив. 1927. Т. 24. С. 133.

²⁵ Прогрессивный блок в 1915–1917 гг. // Красный архив. 1932. Т. 52. С. 145, 148.

²⁶ Керенский А.Ф. А.И. Гучков. Из воспоминаний // Современные записки. 1936. Т. 60. С. 460–461.

²⁷ Сенин А.С. А.И. Гучков. М., 1996. С. 92. См. также: Gleason W. Alexander Guchkov and the End of the Russian Empire. Philadelphia, 1983.

- ²⁸ Падение царского режима. Т. 6. С. 253;
- ²⁹ Мартынов Е.И. Царская армия в Февральском перевороте. Л., 1927. С. 55.
- ³⁰ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Рассказы в стенографической записи. Рукописные заметки. Т. 1. СПб., 2003. С. 868.
- ³¹ Васильев А.Т. Охрана: русская секретная полиция // «Охранка». Воспоминания руководителей охранных отделений. Т. 2. М., 2004. С. 454.
- ³² Палей О.В. Воспоминания. М., 2005. С. 10.
- ³³ Граве Б.Б. К истории классовой борьбы в России в годы империалистической войны. Июль 1914 – февраль 1917 г. Пролетариат и буржуазия. М.; Л., 1926. С. 305–306.
- ³⁴ Подробнее см.: Тютюкин С.В. Война, мир, революция. Идейная борьба в рабочем движении России 1914–1917 гг. М., 1972; Юрий М.Ф. Меньшевики и рабочие группы в военно-промышленных комитетах // Непролетарские партии России в трех революциях. М., 1989.
- ³⁵ Верховский А.И. На трудном перевале. М., 1959. С. 155. Ср.: Спиридович А.И. Великая война и Февральская революция. Воспоминания. Минск, 2004. С. 300; Глобачев К.И. Указ. соч. С. 68.
- ³⁶ Протопопов А.Д. Указ. соч. С. 562, 563.
- ³⁷ Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. 1915 г. М., 2008. С. 362–363.
- ³⁸ Новорусский М.В. Рабочая группа Военно-промышленного комитета // Историко-революционный бюллетень. 1922. № 2–3. С. 27–29.
- ³⁹ Запись беседы Б.И. Nikolaevskogo с А.Ф. Керенским. Зима 1924–1925 г. // Платонов О.А. Тайная история масонства. Документы и материалы. Т. 2. М., 2000. С. 269–270.
- ⁴⁰ Глобачев К.И. Указ. соч. С. 70.
- ⁴¹ Спиридович А.И. Указ. соч. С. 300.
- ⁴² Курлов П.Г. Гибель Императорской России. М., 1991. С. 189.
- ⁴³ Васильев А.Т. Указ. соч. С. 468.
- ⁴⁴ Шляпников А.Г. Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. Т. 1. М., 1992. С. 122, 134.
- ⁴⁵ Верховский А.И. Указ. соч. С. 55.
- ⁴⁶ Государственная дума. 1906–1917. Стенографические отчеты. Т. 4. М., 1995. С. 290.
- ⁴⁷ Богданов Б.О. Указ. соч. С. 195.
- ⁴⁸ Меньшевики. Документы и материалы. 1903–1917 гг. М., 1996. С. 406, 408, 409.
- ⁴⁹ Богданов Б.О. Указ. соч. С. 195.
- ⁵⁰ Хеймсон Л. Указ. соч. С. 189.
- ⁵¹ Рабочее движение в годы войны. М., 1925. С. 277.
- ⁵² Шляпников А.Г. Указ. соч. Т. 1. С. 119.
- ⁵³ Падение царского режима. Т. 6. С. 286.
- ⁵⁴ Шляпников А.Г. Указ. соч. Т. 2. М., 1992. С. 37.
- ⁵⁵ Спиридович А.И. Указ. соч. С. 300–301.
- ⁵⁶ Маевский Е. Предисловие // Канун революции. Из истории рабочего движения накануне революции 1917 г. Деятельность рабочего представительства при Центр. Воен.-пром. ком. (по материалам). Пг., 1918. С. 9; Богданов Б.О. Указ. соч. С. 195–196; Протопопов А.Д. Указ. соч. С. 563; Глобачев К.И. Указ. соч. С. 69.
- ⁵⁷ К истории гвоздевщины. «Бюллетени» Рабочей группы ЦВПК // Красный архив. 1934. Т. 67. С. 41, 57–59, 81.
- ⁵⁸ Рабочее движение в годы войны. С. 220–221; Государственная дума. 1906–1917. Стенографические отчеты. С. 293.
- ⁵⁹ Рафес М.Г. Мои воспоминания // Былое. 1922. № 19. С. 179; Арский Р. В Петрограде во время войны. Из воспоминаний // Красная летопись. 1923. № 7. С. 87; Шляпников А.Г. Указ. соч. Т. 1. С. 275; Богданов Б.О. Указ. соч. С. 195–196; Заварзин П.П. Жандармы и революционеры // «Охранка». Воспоминания руководителей охранных отделений. Т. 2. С. 110.
- ⁶⁰ Новорусский М.В. Указ. соч. С. 27–28.
- ⁶¹ Гарви П.А. Профсоюзы и кооперация после революции. Нью-Йорк, 1989. С. 12–13.
- ⁶² Отчет о торжественном заседании ЦВПК. С. 15.
- ⁶³ РГИА, ф. 1282, оп. 1, д. 738, л. 1–1 об., 9.
- ⁶⁴ Курлов П.Г. Указ. соч. С. 189–190.
- ⁶⁵ Заварзин П.П. Указ. соч. С. 111.
- ⁶⁶ Васильев А.Т. Указ. соч. С. 453.
- ⁶⁷ Мильчик И. Рабочий Февраль. М.; Л., 1931. С. 30.
- ⁶⁸ Буржуазия накануне Февральской революции. Сборник документов. М.; Л., 1927. С. 139–140.

- ⁶⁹ Спиридович А.И. Указ. соч. С. 302.
- ⁷⁰ Падение царского режима. Т. 6. С. 262, 274, 278; А.И. Гучков рассказывает... // Вопросы истории. 1991. № 7–8. С. 203, 205–206; Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. М., 1996. С. 137–138; Васильев А.Т. Указ. соч. С. 453.
- ⁷¹ Оболенский А.В. Мои воспоминания // Проблемы истории Русского зарубежья. Материалы и исследования. Вып. 2. М., 2008. С. 362, 364.
- ⁷² Отчет о торжественном заседании ЦВПК. С. 17–18.
- ⁷³ Падение царского режима. Т. 6. С. 262, 274, 278; А.И. Гучков рассказывает... С. 205.
- ⁷⁴ Васильчикова Л.Л. И��нувшая Россия. Воспоминания. 1886–1919. СПб., 1995. С. 350–351.
- ⁷⁵ Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. С. 137, 140.
- ⁷⁶ Запись беседы Б.И. Николаевского с А.Ф. Керенским... С. 270.
- ⁷⁷ Керенский А.Ф. Русская революция. 1917. С. 168.
- ⁷⁸ Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914–1917). Л., 1967. С. 301.
- ⁷⁹ Соколов Н.А. Предварительное следствие 1919–1922 гг. // Российский архив. Т. 8. М., 1998. С. 242–243.
- ⁸⁰ Оболенский А.В. Указ. соч. С. 365.
- ⁸¹ Лавертычев В.Я. По ту сторону баррикад. Из истории борьбы московской буржуазии с революцией. М., 1967. С. 157.
- ⁸² Иорданский Н.И. Военное восстание 27 февраля. Заметки // Молодая гвардия. 1928. Кн. 1. С. 170–171.
- ⁸³ Спиридович А.И. Указ. соч. С. 386.
- ⁸⁴ Монархия перед крушением. 1914–1917. Бумаги Николая II и другие документы. М.; Л., 1927. С. 160.
- ⁸⁵ Политическое положение России накануне Февральской революции в жандармском освещении // Красный архив. 1926. Т. 4(17). С. 14, 28.
- ⁸⁶ Новорусский М.В. Указ. соч. С. 27, 29.
- ⁸⁷ Заварзин П.П. Указ. соч. С. 110.
- ⁸⁸ Маевский Е. Указ. соч. С. 6–7; К истории гвоздевщины... С. 88, 90–92; Меньшевики... С. 437–438, 438.
- ⁸⁹ Богданов Б.О. Указ. соч. С. 198, 200.
- ⁹⁰ Меньшевики... С. 442–443.
- ⁹¹ Рафес М.Г. Указ. соч. С. 179.
- ⁹² Известия ЦВПК. 1917. № 221. С. 3.
- ⁹³ Там же. № 215. С. 4.
- ⁹⁴ Шляпников А.Г. Указ. соч. Т. 2. С. 29–31; Меньшевики... С. 453.
- ⁹⁵ Шляпников А.Г. Указ. соч. Т. 2. С. 31.
- ⁹⁶ Буржуазия накануне Февральской революции... С. 174.
- ⁹⁷ Спиридович А.И. Указ. соч. С. 468, 473.
- ⁹⁸ Падение царского режима... Т. 4. Л., 1925. С. 89; Граве Б.Б. Указ. соч. С. 390; Буржуазия накануне Февральской революции... С. 174, 184–185; Протопопов А.Д. Указ. соч. С. 562.
- ⁹⁹ Петербургский комитет РСДРП. Протоколы и материалы заседаний. Июль 1902 – февраль 1917. Л., 1986. С. 480; Меньшевики... С. 454–457, 460–461.
- ¹⁰⁰ В январе и феврале 1917 г. Из донесений секретных агентов А.Д. Протопопова // Былое. 1918. № 13. С. 109; Богданов Б.О. Указ. соч. С. 198, 200.
- ¹⁰¹ Маевский Е. Указ. соч. С. 12.
- ¹⁰² Глобачев К.И. Указ. соч. С. 417–418, 420.
- ¹⁰³ Маевский Е. Указ. соч. С. 11.
- ¹⁰⁴ Гиппиус З.Н. Живые лица. Стихи. Дневники. Кн. 1. Тбилиси, 1991. С. 278.
- ¹⁰⁵ Канун революции... С. 101; Глобачев К.И. Указ. соч. С. 70.
- ¹⁰⁶ В январе и феврале 1917 г. Из донесений секретных агентов А.Д. Протопопова. С. 117; Буржуазия накануне Февральской революции... С. 184; Донесения Л.К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 – февраль 1917 г. // Вопросы истории. 2000. № 4–5. С. 24.
- ¹⁰⁷ Буржуазия накануне Февральской революции... С. 180.
- ¹⁰⁸ Милюков П.Н. Воспоминания. Т. 2. М., 1990. С. 244.
- ¹⁰⁹ П.А. Столыпин в воспоминаниях дочерей. М., 2003. С. 108.
- ¹¹⁰ Родзянко М.В. Крушение империи // Архив русской революции. 1926. Т. 17. С. 158.

- ¹¹¹ Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. М., 1990. С. 95–96.
- ¹¹² Ганелин Р.Ш. Материалы по истории Февральской революции в Бахметьевском архиве Колумбийского университета // Отечественная история. 1992. № 5. С. 162–163.
- ¹¹³ Отчет о торжественном заседании ЦВПК. С. 15.
- ¹¹⁴ Рафес М.Г. Указ. соч. С. 180.
- ¹¹⁵ Юрьев И. Межрайонка (1911–1917) // Пролетарская революция. 1924. № 25. С. 130, 133.
- ¹¹⁶ Биржевые ведомости. 1917. № 16 410; Гиппнус З.Н. Указ. соч. С. 278; Государственная дума. 1906–1917. Стенографические отчеты. С. 271.
- ¹¹⁷ Известия ЦВПК. 1917. № 209. С. 2.
- ¹¹⁸ Новорусский М.В. Указ. соч. С. 27, 29.
- ¹¹⁹ Буржуазия накануне Февральской революции... С. 178.
- ¹²⁰ Граве Б.Б. Указ. соч. С. 385–386.
- ¹²¹ Кондратьев Т.К. Воспоминания о подпольной работе // Красная летопись. 1923. № 7. С. 63.
- ¹²² Николаевский Б.И. Указ. соч. С. 88.
- ¹²³ Савич Н.В. Воспоминания. СПб.; Дюссельдорф, 1993. С. 211, 290.
- ¹²⁴ Воейков В.Н. С царем и без царя. Воспоминания. М., 1994. С. 111.
- ¹²⁵ Винберг В.Ф. В плена у «обезьян» (Записки «контрреволюционера») // Верная Гвардия. Русская смута глазами офицеров-монархистов. М., 2008. С. 93, 120, 161, 236, 237.
- ¹²⁶ Полухин В.Б. Записки бывшего директора Департамента МИД. СПб., 2008. С. 303.
- ¹²⁷ Голицын А.Д. Воспоминания. М., 2008. С. 382.
- ¹²⁸ Буржуазия накануне Февральской революции... С. 165.
- ¹²⁹ Мансырев С.П. Мои воспоминания о Государственной думе // Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 г. М., 1991. С. 97.
- ¹³⁰ Оболенский А.В. Указ. соч. С. 365.
- ¹³¹ Савич Н.В. Указ. соч. С. 210, 211, 290.
- ¹³² Известия ЦВПК. 1917. № 209. С. 1.
- ¹³³ Набоков В.Д. Временное правительство // Архив русской революции. 1921. Т. 1. С. 22–23.
- ¹³⁴ Русский перевод этих документов см.: Николаевский Б.И. Тайные страницы истории. М., 1995. С. 233–411. Никакого отношения к пресловутым «документам Сиссона» данные материалы не имеют.
- ¹³⁵ Хереш Э. Указ. соч. С. 149–162, 166–167, 193, 205–206, 229, 234.
- ¹³⁶ Там же. С. 170, 238, 239.
- ¹³⁷ Оболенский А.В. Указ. соч. С. 364.
- ¹³⁸ Хереш Э. Указ. соч. С. 170, 238, 239.
- ¹³⁹ Воронежский телеграф. 1917. № 57. С. 3.
- ¹⁴⁰ Васильчикова Л.Л. Указ. соч. С. 347, 356, 368.
- ¹⁴¹ Ладыженский А.А. Воспоминания. Париж, 1984. С. 85.
- ¹⁴² Спиридович А.И. Указ. соч. С. 632.
- ¹⁴³ Глобачев К.И. Указ. соч. С. 118.
- ¹⁴⁴ Бьюкенен Д.У. Моя миссия в России. Воспоминания английского дипломата. 1910–1918. М., 2006. С. 237.
- ¹⁴⁵ Бурышкин П.А. Москва купеческая. М., 1991. С. 293.
- ¹⁴⁶ Николай Михайлович. Записки // Красный архив. 1931. Т. 49. С. 102–103.
- ¹⁴⁷ Брюс Локкарт Р.Г. История изнутри. Мемуары британского агента. М., 1991. С. 151.
- ¹⁴⁸ Неклюдов Н.А. Предсказание русской революции // Архив русской революции. 1921. Т. 1. С. 257, 259.
- ¹⁴⁹ Хереш Э. Указ. соч. С. 228.
- ¹⁵⁰ Оболенский А.В. Указ. соч. С. 364.
- ¹⁵¹ Верховский А.И. Указ. соч. С. 228; Бурджалов Э.Н. Указ. соч. С. 79.
- ¹⁵² Ден Ю.А. Подлинная царица // Ден Л. Подлинная царица. Ворресс Й. Последняя великая княгиня. М., 1998. С. 89–90.
- ¹⁵³ Отчет о торжественном заседании ЦВПК. С. 22.
- ¹⁵⁴ Там же. С. 17–18.
- ¹⁵⁵ Верховский А.И. Указ. соч. С. 227–228.
- ¹⁵⁶ Керенский А.Ф. Русская революция. 1917. С. 28–29.
- ¹⁵⁷ Васильев А.Т. Указ. соч. С. 453.

- ¹⁵⁸ Известия ЦВПК. 1917. № 208. С. 2.
- ¹⁵⁹ Там же. № 247. С. 1.
- ¹⁶⁰ Утро России. 1917. № 75. С. 2; Бурджалов Э.Н. Указ. соч. С. 79.
- ¹⁶¹ Февральская революция и охранное отделение // Былое. 1918. № 1. С. 169.
- ¹⁶² Оболенский А.В. Указ. соч. С. 367.
- ¹⁶³ Васильчикова Л.Л. Указ. соч. С. 350.
- ¹⁶⁴ Февральская революция 1917 г. Сборник документов и материалов. М., 1996. С. 110.
- ¹⁶⁵ Бьюкенен Д.У. Указ. соч. С. 242.
- ¹⁶⁶ Родзянко М.В. «Крушение Империи» и «Государственная дума и Февральская 1917 г. революция». Нью-Йорк, 1986. С. 337.
- ¹⁶⁷ Васильчикова Л.Л. Указ. соч. С. 354.
- ¹⁶⁸ Глобачев К.И. Указ. соч. С. 119.
- ¹⁶⁹ Отчет о торжественном заседании ЦВПК. С. 15.
- ¹⁷⁰ Протопопов А.Д. Указ. соч. С. 562.
- ¹⁷¹ Новорусский М.В. Указ. соч. С. 28, 29.
- ¹⁷² Мильчик И.И. Указ. соч. С. 60; Кащевская Е.И. Больничная касса Путиловского завода // В огне революционных боев. М., 1967. С. 190; Шляпников А.Г. Указ. соч. Т. 1. С. 141. См. также: Бурджалов Э.Н. Указ. соч. С. 133; Лейбров И.П. Указ. соч. С. 117, 155, 203, 204, 216; Лейбров И.П., Рудаченко С.Д. Революция и хлеб. М., 1990. С. 92.
- ¹⁷³ Суханов Н.Н. Записки о революции. Т. 1. М., 1991. С. 55, 56, 62.
- ¹⁷⁴ Известия ЦВПК. 1917. № 209. С. 4.
- ¹⁷⁵ Гибель царского Петрограда. Февральская революция глазами градоначальника А.П. Балка // Русское прошлое. Кн. 1. Л., 1991. С. 42.
- ¹⁷⁶ Февральская революция 1917 г. ... С. 58, 60.
- ¹⁷⁷ Падение царского режима... Т. 1. Л., 1924. С. 188, 194.
- ¹⁷⁸ Марков И. Как произошла революция (запись рабочего) // Воля России. 1927. Вып. 3. С. 96.
- ¹⁷⁹ Михайлов И.К. Агитация против войны // В годы подполья. Сборник воспоминаний. 1910 – февраль 1917 г. М., 1964. С. 296.
- ¹⁸⁰ Бурджалов Э.Н. Указ. соч. С. 159.
- ¹⁸¹ Семенов Е.П. Февральские и мартовские дни 1917 г. // Исторический вестник. 1917. № 3. С. 10.
- ¹⁸² Февральская революция 1917 г. ... С. 51.
- ¹⁸³ Семенов Е.П. Указ. соч. С. 9–10.
- ¹⁸⁴ Февральская революция 1917 г. ... С. 53–56.
- ¹⁸⁵ Философов Д.В. Дневник // Звезда. 1992. № 1. С. 195.
- ¹⁸⁶ Маклаков В.А. Канун революции // Новый журнал. 1946. Кн. 14. С. 312.
- ¹⁸⁷ Иорданский Н.И. Указ. соч. С. 170–171; Хереш Э. Указ. соч. С. 236; Оболенский А.В. Указ. соч. С. 364.
- ¹⁸⁸ Из следственных дел Н.В. Некрасова 1921, 1931 и 1939 гг. // Вопросы истории. 1998. № 11–12. С. 20; Керенский А.Ф. Русская революция. 1917. С. 10.
- ¹⁸⁹ Иорданский Н.И. Указ. соч. С. 169.
- ¹⁹⁰ Новорусский М.В. Указ. соч. С. 30.
- ¹⁹¹ Донесения Л.К. Куманина... // Вопросы истории. 2000. № 6. С. 30–31.
- ¹⁹² Маевский Е. Указ. соч. С. 12.
- ¹⁹³ Февральская революция 1917 г. ... С. 112; Из следственных дел Н.В. Некрасова... С. 20.
- ¹⁹⁴ Мстиславский С.Д. Пять дней. Начало и конец Февральской революции. М., 1922. С. 13; Оболенский В.А. Моя жизнь. Мои современники. Париж, 1988. С. 515; Суханов Н.Н. Указ. соч. С. 76.
- ¹⁹⁵ Новорусский М.В. Указ. соч. С. 29.
- ¹⁹⁶ Тинченко Я.Ю. Голгофа русского офицерства в СССР. 1930–1931 гг. М., 2000. С. 317, 318; Верховский А.И. Указ. соч. С. 212; Половцов П.А. Дни затмения. М., 1999. С. 26.
- ¹⁹⁷ Гараевская И.А. Петр Пальчинский. Биография инженера на фоне войн и революций. М., 1996. С. 60; Рафес М.Г. Указ. соч. С. 185–186.
- ¹⁹⁸ Из следственных дел Н.В. Некрасова... С. 20; Керенский А.Ф. Русская революция. 1917. С. 48–49.
- ¹⁹⁹ Утро России. 1917. № 75. С. 2.
- ²⁰⁰ Известия ЦВПК. 1917. № 208. С. 4.
- ²⁰¹ Новорусский М.В. Указ. соч. С. 30; Оболенский В.А. Указ. соч. С. 516.

²⁰² Великие дни российской революции 1917 г. Февраль: 27 и 28-го. Март: 1, 2, 3 и 4-го. Пг., 1917. С. 5.

²⁰³ Гиппус З.Н. Указ. соч. С. 288.

²⁰⁴ Известия ЦВПК. 1917. № 208. С. 7–8.

²⁰⁵ Оболенский В.А. Указ. соч. С. 516.

²⁰⁶ Великие дни российской революции 1917 г. ... С. 17.

²⁰⁷ Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. Т. 2. М., 1992. С. 341.

²⁰⁸ РГИА, ф. 1278, оп. 5, д. 1252, л. 3; Известия Комитета петроградских журналистов. 1917.

2 марта.

²⁰⁹ Брангель П.Н. Записки. Ноябрь 1916 – ноябрь 1920 г. Ч. 1. М., 1995. С. 7.

²¹⁰ Буржуазия накануне Февральской революции... С. 174.

²¹¹ Курлов П.Г. Указ. соч. С. 189; Глобачев К.И. Указ. соч. С. 66.

²¹² Блок А.А. Собр. соч. В 8 т. Т. 7. М.; Л., 1963. С. 255.

²¹³ Отчет о торжественном заседании ЦВПК. С. 17–18.

© 2012 г. О. Ю. НИКОНОВА*

ОСОАВИАХИМ КАК ИНСТРУМЕНТ СТАЛИНСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛИЗАЦИИ (1927–1941 гг.)

Характерной особенностью сталинских технологий социальной мобилизации была опора на квазиобщественные, псевдодобровольные институты, по сути являвшиеся прямыми «агентами» государства в вопросах реализации социально-экономических, внутри- и внешнеполитических приоритетов. Одной из таких организаций стало Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству (Осоавиахим). В данной статье рассматриваются функции этого военно-патриотического общества как мобилизационного механизма и специфика мотивационных факторов осоавиахимовцев.

В советской историографии это общество интерпретировалось как институционализация массового советского патриотизма и «13-миллионный резерв» Красной армии. Процесс пересмотра такой трактовки, наметившийся в конце 1980-х гг., был прерван бурными изменениями в исторической науке перестроичного и постперестроичного периодов и потерей интереса к данной теме. Между тем история Осоавиахима представляется важным элементом для понимания эпохи сталинизма. Оборонное общество, будучи патриотическим «проектом», инициированным и контролировавшимся государством, являлось «добровольным» лишь名义上. Механизмы социального принуждения, на которых в значительной степени основывался сталинский режим, были доминирующим «побудительным мотивом» в процессе «вербовки» советских патриотов. Однако государственный контроль и насилие не были тотальными, что давно признано историками сталинизма благодаря трудам школы «ревизионистов»¹. Механизмы принуждения порождали многообразные формы активного и пассивного сопротивления, способствовали выработке практик адаптации и приспособления, которые ставили под сомнение эффективность функционирования диктаторского режима. Одновременно дискуссии начала 2000-х гг. о «сталинской субъективности» заставили вновь переоценить оттесенные ранее на второй план идеи о важной роли идеологии в формировании нормативно-ценостных ориентаций и поведенческих практик советских граждан². Включение проблемы патриотизма в этот теоретический контекст пока еще только намечено.

Большинство современных исследователей межвоенного сталинизма единодушно подчеркивают особое значение дискурса о внешней угрозе в мобилизационных тех-

* Никонова Ольга Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент, сотрудница Центра культурно-исторических исследований Южно-Уральского государственного университета.